

ния» Лазарь мастерски рисует эпическую массовую сцену перенесения мощей, — народ затопил город и облепил, как пчелы, стены вышгородской крепости, он «оттирает» князей от гробниц, подобный грому крик народа помогает преодолеть «сопротивление» саркофага Глеба и водворить его в новом храме. Ничего подобного по изобразительной силе до Лазаря русская литература не знала. Под давлением масс и в интересах действительности церковной пропаганды в «Сказание» вошли со своим могучим голосом и требованиями сами народные массы и их представители. Можно думать, что и сам Лазарь, повидавший на своем долгом веку много зла и несправедливости и много простых людей, приносивших свои скорби в Вышгород в слепой надежде утолить их у гробов святых и праведных господ, — сам Лазарь внутренне понимал правду народного гнева и потому смог передать его с такой искренностью и живым чувством.

Те же исторические причины определили глубокое изменение самого художественного мышления и литературных приемов, выраженное в «Сказании». Выше мы указывали на эти примечательные черты труда Лазаря, перешедшего с позиций церковной отвлеченности к жизненной и исторической конкретности, с позиций авторитарного мышления на путь доказательств своих положений, от мотива божьего промысла — к исторической и психологической мотивировке явлений и поступков или же к народному понятию судьбы, «судьбины», того, что «на роду написано», — таково замечание о «скверном» рождении Святополка от черницы, да еще от двух отцов, предопределившем его «окаянство». Даже традиционные церковно-книжные отступления или молитвы, влагаемые Лазарем в уста героев, литературно оправданы и свободно вытекают из хода событий, объясняя их, расширяя возможность развития основной мысли автора. Он стремится сделать былью миф, усваивая принцип народного творчества творить вымысел как действительность. Отсюда обилие конкретных подробностей и реалий, точное указание имен действующих лиц и мест событий, оснащение изложения «Сказания» ссылками на свидетелей. Это сообщает «Сказанию» черты глубокой и тонко детализированной правдивости, черты историзма, это позволяет одному из списателей труда Лазаря, почти не нарушив стили и последовательности «Сказания», внести в него большой отрывок летописного текста о борьбе Ярослава со Святополком.¹⁴⁶

В этом сознательном глубоком историзме и конкретности мышления Лазаря и замысла его «Сказания» и лежит ответ на недоуменный вопрос С. А. Бугославского: почему автор «Сказания» предпочел обращаться непосредственно к летописи и почти ничего не использовал из труда Нестора как в отношении фактов, так и в отношении его стилистики.¹⁴⁷

В отборе своего материала и выборе формы его подачи, как мы уже говорили, Лазарь, сравнительно с Нестором, проявляет большое критическое чутье и умение, обращаясь не только к письменности и к своей памяти, но и смело вводя в свой текст форму народного плача-причети, сообщаящую его святым героям народные черты. Автор стремится придать образам Бориса и Глеба максимально возможную для литературы того времени жизненность и человечность, вызвать сочувствие к их горькой судьбине и тягостным переживаниям, чтобы читатель не остался безучастным, но читал строки «Сказания» «желеючи». Вспомним описание последних часов жизни Бориса: перед сном он помолился, «со слезами горькими и частым въздыханиемъ и стонаниемъ многымъ»; его сон был тяжек и мучителен; он встал рано, сам обулся и умылся; за утренней молитвой он

¹⁴⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 44—46.

¹⁴⁷ С. А. Бугославский К вопросу..., стр. 142—143